

Игорь Шестков "Сад наслаждений"

Ребенка они не хотели и предохранялись как могли. А как предохраняться в стране, где невозможно достать противозачаточные таблетки? Известно как. Правило простое: «туда» кончать можно только три дня до менструации и три дня после. А все остальное время нужно прерывать процесс на самом интересном месте. Сегодня и был такой день. Перед менструацией.

Вадим нетерпеливо ждал вечера, потому что знал – уломать Нину заняться любовью днем ему не удастся. Почему они все хотят делать это в темноте? Красивая, молодая женщина... Откуда у нее эта боязнь, робость, комплексы? Вадим не понимал жену. И ревновал. Может быть, у нее только на него такая реакция? Или она во время любви представляет себе на его месте кого-то другого? С ним подобное бывало, хотя и не часто. То, что мы охотно прощаем самим себе, мы никогда не прощаем нашим близким. Мир чувств фатально ассиметричен.

Как всегда в «такие» дни, у Нины был плохое настроение. Она капризничала. Металась по их маленькой квартире на девятом этаже блочного дома на окраине Москвы как львица по клетке. Подходила к окну, смотрела на огромный грязный двор, вздыхала. Потом уходила в ванную, запиралась там и крутилась перед зеркалом. Расчесывала волосы. Она явно не нравилась самой себе. У нее болела голова, ее раздражало нетерпеливое ожидание мужа, его назойливость и похотливость.

Вадим сидел на диване с ногами и листал альбом Босха – «Сад наслаждений». Молчал, потому что чувствовал – любой разговор, даже на самую отвлеченную тему приведет к взрыву, к слезам, а там можно и забыть про любовь. Нина взяла с полки томик стихов ее любимой Цветаевой, села на другом конце дивана и принялась читать. Читала, задумчиво глядела в потолок, грызла шариковую ручку, саркастически усмехалась. Записывала что-то в специальную тетрадку. Вела себя так, как будто мужа нет в квартире.

Вадим молчал, но терпение его не было безграничным. Отложил книгу в сторону. Тихонько, как змея, подполз к жене. Поцеловал ее коварно в коленку.

Обнял. Нина демонстративно отстранилась. Вадим вздохнул и отполз. Она поняла смысл вздоха и подвернула под себя ноги. Руки плотно обвила вокруг себя. Даже дотронуться до интимных частей ее тела стало невозможно. Вадим вздохнул еще раз, отполз еще дальше. Спросил, не хочет ли она принять цитромон. Жена восприняла этот вопрос как глумление. Поджала губки. Еще одно предложение – и начался бы скандал. Не первый и не последний.

Нина хмыкнула, встала. Взяла с собой книгу и ушла в ванную. Чтобы никто не мешал. При социализме горячая вода была бесплатным удовольствием – лей, не хочу. Для тех, кто жил в Москве в отдельных квартирах, конечно. Вадим остался один на диване. Попытался сосредоточиться на «Саде наслаждений». Заснул. Приснилось ему, что жена согрелась и успокоилась в ванной. Вышла и прилегла к нему. Прижалась голой грудью к его коленям. Жадно схватила губами его член. Вадим застонал от счастья во сне. Вошел в жену сзади. Начал сладко качаться, потом осмелел, облизнул указательный палец и осторожно всунул его Нине в попку. Она рассмеялась, изогнулась невыносимой дугой и тоже всунула палец ему в анус. Вадим чувствовал пальцем ходящую туда-сюда головку своего члена. Нина массировала его возбужденную простату. Для полноты счастья, он попросил ее что-нибудь рассказать. Она спросила, какой сюжет он хочет услышать. Вадим сказал – про то, как ученик старшего класса развращает первоклассника в кабинке школьного туалета. Нина рассказывала с вдохновением. Говорила она низким, чувственным голосом. Вадим трясся в экстазе. Пускал слюни.

Проснувшись, искал жену. Хотел продолжить любовь. Но продолжать было не с кем. На диване лежал он один, Нина была в ванной.

Вадим постучал. Услышал недовольный писклявый голос Нины: «Что тебе надо? Ты же знаешь, что я хочу побыть одной...»

Он знал, почему жена подолгу моется, закрывает дверь. В ванной она мастурбировала. Затем ее начинали мучить муки совести. Иногда она легальным сексом с ним нейтрализовывала их. Но еще чаще становилась непреклоннее и равнодушнее. Не могла даже подумать о близости.

«Ниночка, я тоже тут живу, тоже хочу в ванной понежиться... С тобой...»

«Подожди, через пять минут я выйду!»

«Пусти меня к себе, я одинок, меня никто не любит!»

«Перестань кривляться! В двадцать семь лет впадаешь в детство».

«Упрямая фригидная тварь!»

«Озабоченный придурок, иди к проституткам! Только потом на сифилис не жалуйся!»

Вадим почувствовал, как его пальцы оцепенели. Он задергал ртом. Сжал кулаки.

Волна холодного бешенства прокатилась по его телу. От затылка до пяток.

Ничего не получается! Все напрасно! На кой черт я женился? Палец в попу? Да это Нину так испугает, что она со мной вообще спать перестанет. Мальчики в туалете? Если она о них только услышит, сейчас же к своей матери уедет. Будет там расписывать, какой я зверь. И в рот она никогда не брала, брезговала. Даже рукой никогда меня не баловала. Хотел «приличную» девочку из ученой семьи, теперь не ной! Что же делать? Всю жизнь прожить в сексуальном одиночестве? Каждый раз, когда хочется, – просить, просить, унижаться... Черт бы все побрал!

Тут дверь открылась и распаренная Нина, обернутая как мумия тремя белыми полотенцами, гордо продефилировала мимо Вадима в комнату. Обдала его запахом клубничного мыла.

Меня не замечает, я для нее – ненужный предмет, мусор, грязь, – заводил себя Вадим.

Ему захотелось довести жену до визга, а потом взвинтить и самого себя до истерического, но управляемого холодным разумом состояния. Он знал, жгучее наслаждение придет, только если они оба будут в истерике, но Нина не сможет управлять собой, а он сможет. Тогда можно будет поднимать, поднимать до безумных высот напряжение. Искусство управляемой истерики состоит в том, чтобы на самой границе бездны, за миллиметр от непоправимого, остановиться в бешеной гонке и осторожно свести все к шутке, спустить безумие на тормозах. В отношениях с женщинами Вадим всегда был умеренный мучитель. Вне этих отношений он мог припомнить только один пароксизм садизма в своей жизни. Вадиму было тогда шесть лет, он жил на даче в Сестрорецке, под Ленинградом. Гулял в саду. Вдруг видит – навстречу ему идет котенок. Подошел, о ногу потерялся. А Вадим схватил его за хвост и поднял. Котенок зашипел. Попытался вывернуться и оцарапать руку. Но Вадим был ловок. Котенку было больно. Он

начал пронзительно мяукать. Вадим уловил в его мяуканье жалобные, плачущие нотки. Бездна и истому страдания. Это возбудило его – он ощутил сладостное томление в паху. Продолжалось это, однако, недолго – Вадим пожалел котенка и отпустил его. Тот удрал. А Вадим не мог понять, что со ним происходит. Обычно он чутко распознавал зло, никогда не одобрял его. А тут... Нина тем временем опять уютно устроилась на диване и углубилась в свою Цветаеву. Вадим решительно подошел к жене и грубо вырвал книгу из ее рук. Нина остолбенело посмотрела на него. Она была целиком погружена в свои изыскания. Вадим раскрыл книгу, с хрустом вырвал из нее несколько страниц, распахнул окно и швырнул листочки на улицу. Нина от неожиданности растерялась. Решила, что Вадим сошел с ума. Потом все поняла, открыла рот, чтобы крикнуть, но не закричала. Вадиму показалось, что он слышит беззвучный крик, распространяющийся от жены как радиоактивное излучение.

После зловещей паузы Нина решительно встала с дивана, грациозным движением сбросила с себя полотенца, зарычала как львица, схватила папку с работами Вадима, открыла ее, и яростно бросила несколько рисунков в окно. Рисунки полетели вниз, как кленовые листья во время грозы. Рисуя в воздухе японские пагоды.

Вадим от злости поперхнулся, потом заорал: «Что ты делаешь, дрянь? Ты же знаешь, что рисунки – не книга, их в магазине не купишь!»

«Цветаеву тоже не купишь!»

Нина выхватила из папки еще несколько листов, хотела и их выбросить. Вадим вскочил как пружина, бросился на жену, схватил ее за руки, вырвал рисунки.

При этом разодрал случайно их пополам.

Нина вцепилась ему в волосы. И дернула, что было сил. Вырвала клочок. Вадим тоже схватил ее за волосы и потянул. Нина вскрикнула, скорчилась от боли. Он обхватил голую жену руками. Она отбивалась как сабинянка. Ревела и плакала. Вадим был сильнее – через несколько минут борьбы они оказались на диване. Вадим сидел на жене, пыхтел, пытался схватить ее руки. Нина старалась ударить его в нос. Не сразу, но попала. Ногой. Это было больно. Вадим разъярился и тоже ударил Нину по носу. Ее маленький красивый носик тут же начал кровоточить. Опух, превратился в уродливый носиче.

В этот момент Вадим успокоился. Он добился своего. Нина была в истерике. Громко визжала и царапалась. А он внутри уже был холоден, хотя знал, что может ее убить, если захочет. Это знание придало ему уверенности в себе. Теперь надо было попытаться ее успокоить.

Вадим сказал громко: «Я отпущу твои руки, если ты перестанешь царапаться!» Она его не слышала, плакала навзрыд, захлебываясь кровью и соплями. Руками пихалась как кенгуру. Удержать ее было трудно. Вадим боялся, что она серьезно поранит себя или его.

Хорошо рассчитав силу, ударил жену ладонью по щеке. Таким ударом можно было успокоить лошадь. Нина драться тут же перестала. Только тряслась и тихо выла. Вадим слез с нее. Пошел на кухню, принес воды и обтер жене лицо.

Нина пришла постепенно в себя. Повернулась лицом к стене. Всхлипывала. Вадим укрыл жену пледом. Поцеловал в щеку. Сказал: «Прости меня, милая, я один во всем виноват». А внутри – хохотал как демон в преисподней. Она не отвечала.

Вадим сел у Нины в ногах. Полистал альбом. Успокоился. И начал, как всегда, грызть себя. Ни в чем я не виноват, а прошу прощения. И любви не получил и рисунки потерял. И подрались как свиньи. Нинка теперь долго дуться будет. И молчать неделями. Или уедет к теще. О любви можно забыть.

Нина молча встала. Не глядя на мужа, вышла в коридор. Ушла в ванную.

Зализала раны. Затем оделась и, ни слова мужу не сказав, уехала. Вадим остался в квартире один.

Ему было грустно. Пиррова победа! Опять одиночество. Без людей – все мертвое. Города, улицы, комнаты, коридоры. Даже книги и стихи. Некому наслаждаться в саду. Некому и восхититься садом. Мертво пространство. А время – бессмысленно.

Вадим захотел отвлечься, порисовать. Подошел к открытому мольберту, потер пальцами засохшую краску, понюхал. Краски пахли рыбьим клеем. Запах краски, а не ее цвет, вдохновлял его на работу. Но в это раз механизм не сработал. Руки все еще дрожали. И голова была другим занята. Прислонил мольберт к стене.

Нашел в кухне вчерашние холодные макароны. Съел их прямо из кастрюли. Без

всего. В животе сразу стало тяжело. Вскипятил воду. Пока чай заваривался, сидел в кухне и тосковал. Потом напился чаю.

Влез в ванную. Пустил горячую воду. Полежал, погрелся. Попытался возбудить себя. Начал сам себе рассказывать о школьниках. Но возбуждение не приходило. Сбился на размышления.

Никогда особа мужского пола не вызывала у тебя сексуального желания. Почему же уже в детстве тебя часто посещали назойливые гомосексуальные фантазии? Что происходит со всеми нами? Почему мы вечно недовольны тем, что есть. Какой дьявол несет нас за границу дозволенного? Что же мы на самом деле такое, черт возьми? Почему в реальной жизни мне дорого здоровье и благополучие любого ребенка, а в кошмарном, полубезумном фантазировании, которому я предавался во время секса с своей последней до женитьбы любовницей, Надькой, маленьких детей сажали на кол, беременных женщин вешали за груди, пороли...

А может быть, мы все такие? – успокаивал он себя. – Все люди. И от дьявольского соблазна спасает не порядочность и не религиозность, а только бездарность, серость. Или страх. Изменить или очистить этот мир нельзя, в него можно только попытаться не входить. Но и это не выход. И чувственный человек висит между бездонной пустотой сверху и такой же снизу. Пустотой, заполненной демонами.

Через несколько минут Вадим возбудился. Но не на «школьниках». Представил себе заплаканные глаза жены. Даже не успел пожалеть ее, кончил в воду.